

Ольга Меклер

*Где находится
край света*

Повести и рассказы

- Скифия -

Ольга Меклер

Где находится край света

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42677199

О. Меклер. Где находится край света: Издательско-Торговый Дом «Скифия»; Санкт-Петербург; 2019

Аннотация

Знаете ли вы, как звучат мелодии бакинского двора? А где находится край света? Верите ли в Деда Мороза? Не пытались ли войти дважды в одну реку? Ну, признайтесь же: писали письма кумирам?

Если это и многое другое вам интересно, книга современной писательницы Ольги Меклер не оставит вас равнодушными.

Автор более двадцати лет живет в Израиле, но попрежнему считает, что выразительнее, чем русский язык, человечество ничего так и не создало, поэтому пишет исключительно на нем. Галерея образов и ситуаций, с которыми читателю предстоит познакомиться, создана на основе реальных жизненных историй, поэтому вы будете искренне смеяться и грустить вместе с героями, наверняка узнаете в ком-то из них своих знакомых, а отложив книгу, задумаетесь о жизненных ценностях, душевных качествах, об ответственности за свои поступки.

Содержание

Повести	5
Где находится край света	5
Глава первая. Кузя	5
Глава вторая. Ее университеты	22
Глава третья. Журналисты	33
Глава четвертая. Страх	55
Глава пятая. Где находится край света	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Ольга Меклер

Где находится край света

© Меклер О., 2018

© Кинус В., иллюстрация на обложке, 2019

© Оформление. ООО «ИТД “Скифия”», 2019

*** * ***

Повести

Где находится край света

Спасибо за то, что ты была. Спасибо за все, что дала мне, чему научила.

Я в неоплатном долгу перед тобой, и смогу вернуть его только став такой же бабушкой, какой была ты.

Глава первая. Кузя

– И вот в эту-то пал-л-леоз-з-зойс-скую эр-р-ру и появились мол-л-лю-у-уски-и-и...

Голос учительницы естествознания был противным и скрипучим, каждый звук она выговаривала будто утраивая, видимо, надеясь хоть так донести до нерадивых гимназисток негаснущий свет знаний. Машка откровенно скучала: дерущиеся за окном воробьи были куда интереснее.

– Кузьмина, встаньте!

Она испуганно подскочила, оторванная от созерцания.

– Будете стоять до конца урока! – рявкнула менторша.

– Да, – обреченно кивнула преступница.

– Опять Кузю наказали, – захихикали девочки.

Машка, или, как ее называли в классе, Кузя, учиться не любила.

Дома находиться тоже было истинным наказанием. А вот дорога из гимназии домой – это да! В мире и стране наступали грандиозные перемены, и на жизни сибирского городка это тоже сказывалось. Десятилетняя девочка была еще не в состоянии оценить вселенских масштабов катастрофы, серьезности чудовищной ломки всего общественного уклада, ей просто были интересны новые вывески: «Общество „Безбожник“», «Императорское Человеколюбивое общество», появившиеся во множестве представители обществ этих самых, собирающие пожертвования «на нужды войны». Накануне Пасхи Кузя и ее задушевная подруга Анечка Белкина тоже пожертвовали какую-никакую копеечку: уж больно развеселил их призыв «Солдатам в окопы на красное яичко!». Правда, за неуместное, по мнению гимназического начальства, веселье барышни снова были наказаны.

И никогда раньше она не видела такого количества солдат – ни своих, ни чужеземных, часто военнопленных.

Бабушка солдат не любит и боится. У них во флигеле живут двое – из расквартированного полка. Когда они напиваются, рвутся в дом – поговорить по душам очень хочется. А дома внучки – девочки-подростки. Вот Петро – мордастый хлопец – и просится:

– Евдокия Матвеевна, дай на внучек твоих хоть поглядеть, своих деток вспомнить, соскучился – спасу нет!

– Иди, Петя, иди спать, сынок, утром увидишь! Нечего тебе там делать!

Огорченный Петро неохотно уходит, а бабушка облегченно крестится.

Евдокия происходила из купеческого сословия. Отец ее, приписанный ко второй гильдии, человек добрейший и чрезвычайно доверчивый, разорился по причине именно этих душевных качеств, но выучить детей в приличных гимназиях успел. Потому, хоть и работала Дуня на железнодорожной станции обычной телеграфисткой, была женщиной грамотной и достаточно образованной. Замуж она вышла тоже за железнодорожника, а потом и сын, Василий, покладистостью и добротой уродившийся в деда, пополнил династию, стал машинистом. Чудо что за парень! И собой хорош, и умен, и воспитан, и на все руки мастер, по дому помочь попросишь – никогда не откажет. Родители уж и невесту ему присмотрели, соседскую девушку, ладную да скромную. Вот тут-то покладистый Васенька вдруг заартачился: мол, всем хороша невеста ваша, да душа не лежит у меня к ней. На вопрос, к кому же лежит, только улыбнулся, туманно как-то, нездешне... А через месяц сошел с поезда с прелестной барышней – светловолосой, кудрявой, голубоглазой, в изящной шляпке и модном платье, нежно поправил ей шарфик и повел знакомить с родителями.

– Мама, папа, это Тоня, моя невеста, она из Харькова.

– Антонина! – кокетливо, но твердо поправила девушка и

скользнула оценивающим взглядом по будущим свекрам.

– Ну что ж, Тоня, милости просим! – улыбнулась Евдокия. – У нас тут по-простому.

– Ан-то-ни-на! – с нажимом и по слогам произнесла сыновья избранница.

– Ах, Антонииннааа! – иронично протянул отец. – Ну, Антонина так Антонина, имя красивое... Не из дворян ли будете, барышня? – не сдержался все же!

– Из мещан! – девушка вспыхнула и заносчиво вздернула подбородок.

– Ну, раз такое дело, пойдете!

Мать тихо вздохнула, посмотрела на насупившегося мужа, и они пошли к дому.

– Коля, ну что? Как тебе невестка? – робко спросила она поздно вечером, уже перед сном.

– Невестка... финтифлюшка она! Намучается с ней наш Вася, вот увидишь! – Николай Андреевич в сердцах махнул рукой и отвернулся к стене.

Антонина оказалась особой вздорной и эгоистичной, но Василий был так влюблен, что весь необъятный букет ее недостатков казался ему чудесным соцветием сплошных достоинств и неординарности.

Рождение старшей дочери, Верочки, поначалу вроде как направило легкомысленную молодую на путь истинный, она истово предалась родительским обязанностям. Инстинкта хватило ненадолго, и, не успели Кузьмины облегченно

вздохнуть, девочка была передана свекрам. Правда, так и осталась материной любимицей.

Елена и Мария, следовавшие за старшей сестрой, такого бурного всплеска материнских чувств уже не вызвали, а на то, чтобы дать имя младшей, четвертой наследнице, у Антонины и фантазии не хватило.

– Тонечка, а может, в твою честь – Антониной? – робко предложил Василий.

– Ну давай, – равнодушно пожала плечами жена. – Но запомни: эта – последняя!

– Последняя, конечно, последняя, – торопливо согласился он.

– И Ниной называть будем! – нахмурилась роженица. – Чтобы нас не путали.

Равнодушие матери к дочерям полностью компенсировали отец и его родители. Мужчины девочек баловали, а бабушка воспитывала, учила домоводству, чтению. Вот уж где был подлинный педагогический талант! Стоя у печи, она помешивала кашу и читала нараспев:

У купца у Семипалова
Живут люди не говеючи,
Льют на кашу масло постное
Словно воду, не жалеючи.
В праздник – жирная баранина,
Пар над щами тучей носится,
В пол-обеда распояшутся —

Вон из тела душа просится!

Внучки-малоежки под это чтение исходили слюной, аппетит просыпался и разгуливался. А после обеда возникало желание самим познакомиться с творчеством Некрасова (Пушкина, Лермонтова и многих-многих из тех, чьи стихи Евдокия Матвеевна знала наизусть – в прежних гимназиях умели учить!).

Сказка на ночь была обязательным ритуалом. Девочки за-тихали, каждая в своей кровати, а бабушка садилась возле одной из них и тихо, но очень выразительно, в лицах, начинала свое повествование.

– И отправилась дочь купеческая за своим суженым далеко-далеко, на самый край света...

– Бабушка, а где это – край света? – Машке непременно нужно было знать все, проникнуть в самую суть.

– Это такое место, о котором никто даже слыхом не слышивал, туда нужно долго-долго ехать на поезде, а потом идти, а потом снова ехать. Поняла?

– Да, но где это?

– Если ты когда-нибудь там окажешься, обязательно поймешь. Так мы край света искать будем или сказку слушать?

– Сказку, сказку! – горячо потребовали девочки.

Машкой ее называл дед, и не было в этом ничего пренебрежительно-простонародного, а было родное, семейное, настоящее. Мать кривилась: «Машка! Как корова!» И хохота-

ла, довольная собственной шуткой. Сама же девочка именно тогда тихо возненавидела свое имя.

– Не слушай никого, нет имени красивее, чем твое. Марией саму Богородицу звали! – бабушка ласково гладила ее по голове, и обида уходила, забивалась куда-то в глубину.

Антонина, похоже, ревновала, пыталась всячески задеть дочерей. Говорил ли ее необузданный эгоизм, поднимало ли ей это самооценку? Кто знает...

К учебе внушек Николай и Евдокия относились со всей серьезностью, были строги и требовательны. Маман злилась:

– Кому это нужно?! Вырастут – и замуж! Меня вон вообще из гимназии выгнали, и что?! Сами видите: у меня здесь (она победно похлопала по роскошным кудрям) кое-что есть!

– Дааа, – протянул Николай Андреевич, – ума палата!

– Мама, а за что тебя выгнали из гимназии? – поинтересовалась любопытная Машка.

– За тихие успехи и громкое поведение! Ха-ха-ха-ха-ха!

– А что такое тихие успехи и как это – громкое поведение? – вдумчиво продолжила расспрос дочь.

Тут мать просто упала в кресло в приступе хохота. Дед было вскинулся, да бабушка умоляюще прижала палец к губам: молчи, Коленька, молчи, не буди лихо!

Первое любовное признание Машка получила лет в девять. Соседский мальчик, ранее безжалостно дергавший ее за косички и устраивавший более изощренные пакости, под-

бежал на улице, молча сунул букет васильков и, покраснев, убежал. Она пришла домой, тихо сияя.

– Мама, а я красивая?

– Кто? Ты?! Ой, не могу! Уши – вареники, нос-вздрычок, глазки змеиные! Ты в зеркало на себя посмотри!

Бабушка утешала рыдающую внучку:

– Ты у нас красавица, Машуня! Вырастешь – и влюбится в тебя прекрасный юноша, и увезет далеко-далеко...

– На край света?

– Именно туда. И будете вы жить долго и счастливо.

– Тридцать лет и три года?

– Тридцать лет и три года. А может, и больше.

– Ты правда думаешь, что я красивая? – доверчиво прошептала Машка.

– Вы все красивые, девочки мои золотые. А Антонина... злая она, потому что любви в ней нет, не умеет она любить. Не сердись, просто пожалей ее.

– Но Веру она ведь любит! А нас с Лелей и Ниной нет!

– Верочка просто похожа на нее больше всех. Ты поверь, Машенька: скупцу хуже, чем тем, кому он не дает, это изнутри ест.

– Бабушка, а Бог есть?

– Бог в душе у каждого, детка.

– Тогда почему одних он делает добрыми, а других злыми? Почему есть хорошее и плохое?

– А как бы ты узнала, что человек добрый, если бы не ви-

дела злых? – хитро улыбнулась Евдокия. – Рано тебе еще об этом, всему свое время, давай-ка лучше книжку почитаем...

Она тогда многого не поняла, скорее, почувствовала, о чем говорила бабушка, и успокоилась. Но веру в свою привлекательность потеряла надолго.

Судя по веселым голосам, разносящимся из гостиной, в гостях у матушки была подруга Женечка, кокетливая старая дева. В юности она пережила несчастную любовь с непременными надрывом, коварством и обманом, после которой глубоко разочаровалась во всех лицах мужеска полу, а когда боль разочарования отпустила, свободных лиц не осталось, всех разобрали. И тут, на Женино счастье, познакомилась она со Стефаном Шрейгером, австрийским военнопленным, и преисполнилась жалости, увидев, в каких условиях содержится бедный юноша. И, конечно, принялась его опекать: то посылочку передаст, то денегат подкинет. Правда, материнские чувства очень скоро трансформировались в иные, не менее нежные. Добрая фея частенько посещала своего подопечного в лагере для военнопленных, а когда его отпускали, и у себя принимала. Она просила почаще писать ей, ибо очень волновалась, зная о скудном пайке и спартанских условиях содержания. К тому же, это было так романтично – хранить в перламутровой шкатулке стопку писем, перевязанную розовой атласной лентой!

– Тоня, ты только послушай это послание: «Дорогой ма-

дам Евгения...»

– Ой, уморила! Дорогой мадам Евгения! Ну, Стефан!

– Ну хватит тебе! Видишь же, человек старается, порусски пишет! Слушай дальше... «Дорогой мадам Евгения! Душевно Вам признателен за бандероль, в который были горячие носки и перчатки, что Вы вязали вашими прекрасными руками. Также я очень обрадовался цукеру и конфетам. Нас кормят хорошо: сегодня на обед давали зуп гороховый и звеклу душеную...»

– Все, все, пощади, не могу больше! – Антонина попеременно то всплескивала ухоженными ручками, то вытирала слезы, выступившие от безудержного смеха. – Горячие носки!.. Это же надо! Зуп гороховый, звекла душеная! Это, надо понимать, свекла тушеная? Ты бы своего Шрейгера хоть подучила!

– Между прочим, он фон Шрейгер на самом деле! Аристократ! – обиделась Женечка. – Ты бы по-немецки и так не написала!

– Все, все, не сердись! Лучше вот послушай, что мне Алексей Игнатьевич прислал: «Душевный друг мой Антонина Семеновна! Невозможно боле терпеть эти мучения. Ваза разбита, двери Вашего дома для меня навсегда закрыты».

Хозяин галантерейного магазина, видимо, решил на столь кардинальные меры после того, как в разгар его пылких признаний в комнату вошел Николай Андреевич и, недолго думая, схватил невесткиного ухажера за шиворот и

выкинул вон. После чего брезгливо отряхнул руки и в сердцах плюнул: «Шельма кудлатая! Бедный Васька!» Машке сии пикантные подробности были неведомы, и подслушанная фраза произвела на нее неизгладимое впечатление. Но далее шпионить было опасно, да и бабушка ждала к обеду.

Как всякая уважающая себя уездная барышня, Кузя завела альбом, куда записывались особо полюбившиеся стихи, слова песен и изречения. Туда же был торжественно внесен шедевр о разбитой вазе. Но когда она решила поделиться своими духовными сокровищами с бабушкой, та скривилась:

– Деточка, да такое же только солдаты кухаркам пишут!

– А пожарники?

– Что пожарники?

– Что пожарники пишут кухаркам?

– А это уж ты сама спроси! – засмеялась бабушка.

Машкин интерес был вполне обоснованным. Дело в том, что воздыхателем их кухарки Анисьи был настоящий пожарный. Сама Анисья была толстой, ленивой деревенской девахой. Толку с нее в хозяйстве было мало, ущерб гораздо больше. Засыпала она на ходу. Но не увольняли, держали из жалости.

Однажды бабушка испекла пирог, оставила его на столе, накрыв полотенцем, и отправилась с мужем и внучками за покупками. Василий был на работе, Антонина укатила к родным в Харьков. Когда они вернулись и начали стучать, а затем и кричать, дом ответил полным безмолвием. Ничего не

добившись, дед кинулся в сарай за топором и начал выламывать дверь. После первых трех ударов раздался странный звук – будто упало что-то очень тяжелое – и испуганный голос:

– Где я? Кто вы?!

Оказалось, Анисья полезла за чем-то в чулан да прямо там, на верхней полке, и уснула. Вернувшиеся хозяева не только разбудили, но и испугали суеверную девушку так, что она в ужасе свалилась со своего лежбища. Именно звук падающего кухаркина тела и разлетевшейся утвари был слышен за выламываемой дверью.

Войдя на кухню, бабушка с изумлением обнаружила, что от пирога осталось меньше трети.

– Анисья, голубушка, а где же пирог-то?!

– Так это... Евдокия Матвеевна... – тут глаза ее страшно округлились. – Собралась я посуду помыть, а тут... рыжий кот, как ероплан!

– И что, большой кот был? – поджала губы хозяйка.

– Огромный! Вот такой! – девица убедительно развела руки, обозначая величину ворюги.

– И сам почти весь пирог сожрал?

– Сам! Вот ей-богу! – и Анисья истово перекрестилась.

– Так это ты со страху на полку в чулан забралась? Думала, коту пирога не хватит? – подначил дед.

– Злой вы, Николай Андреич! – надулась Анисья. Очередной повод избежать работы по дому был найден.

– Ох, девка, вековать тебе век одной, – вздыхала бабушка. – Кому ж такая неумеха да распустеха нужна будет?

Анисья в ответ только обиженно сопела. Потому, когда появился ухажер – бравый пожарник, сердце кухарки преисполнилось гордости. В воскресенье он заходил за своей зазнобой, облаченный в парадную форму, и они шли гулять, важно вышагивая по аллеям городского сада.

Уничтожение очередного пирога влюбленная домработница объяснила уже более реалистично:

– А мы тут это... с Ниночкой... шчыпали, шчыпали по-маленьку, он и закончился...

– Надо же, какой аппетит у нашей младшенькой! – покачал головой Николай Андреевич. За окном мелькнула пожарная каска.

А отношения между родителями становились все хуже. Антонина вполне откровенно привечала поклонников, сетуя на свою глупость в юности: могла бы подыскать партию получше, такому бриллианту и оправка хорошая требуется, прав начальник почты Михаил Николаич! Василий не скандалил, он, похоже, и не умел этого делать. Просто становился все мрачнее, все больше замыкался в себе.

– Развелся б ты с ней, сынок! Один черт: жена – не жена, мать никудышная! А ты молодой еще, найдешь себе хорошую женщину! – уговаривал дед, уже не стесняясь девочек.

Вася в ответ только грустно улыбался.

Машке было одиннадцать, когда отец погиб. Что называется, на боевом посту – попал под поезд. Только вот мало кто в семье поверил в случайность этой смерти – родители были уверены, что не было у Васеньки больше ни сил, ни желания оставаться на этом свете. И сами начали быстро сдавать. Всего на год пережил сына Николай Андреевич. Бабушка после этого как-то совсем потерялась, сжалась, стала ко всему равнодушной, ушла из нее радость жизни, не было уже той деятельной, энергичной Евдокии.

Управление Транссиба выделило семье погибшего железнодорожника огромный двухэтажный дом в Новониколаевске (прежнее название Новосибирска), где Антонина развернулась вовсю, почувствовав себя хозяйкой. Для начала выселила свекровь во флигель. Та не возражала, ей было все равно, где существовать без Васи и Коли. Внучки попробовали заступиться, но она их остановила: не надо, мол, мне так даже лучше. Машка по собственной инициативе переселилась к бабушке, мать лишь облегченно вздохнула. Впрочем, пенсию за потерю кормильца она и без того тратила почти исключительно на себя и новые привязанности.

Шла Гражданская война. Прежней, пусть не роскошной, но сытой жизни, когда к каждому празднику покупались новые платья и готовился стол с разносолами, наступил конец. Гимназию пришлось оставить, Анисью рассчитали. Бабушка качала головой: «От нечистого все это! Не будет добра!» Однажды, вернувшись из церкви с помертвевшим лицом, тя-

жело опустилась на стул и заплакала. Кузя тогда подхватила простуду и несколько дней не выходила из дома.

– Бабуленька, милая, что? Ну не плачь, родная, папе с де-душкой там сейчас хорошо!

– Я не о том, – покачала головой Евдокия. – Царя убили. И всю его семью. И цесаревича, – она глухо зарыдала. – Иро-ды, больного ребенка! Его же дядька во время расстрела на руках держал! Дитяtko слабенькое, он ведь и так долго не протянул бы... Ничего, ничего святого!

У Машки все похолодело внутри. Как же так? Царевич Алексей, ребенок-ангел, такой добрый и чистый, любящий свой народ, с красивым, открытым, ясным лицом... И царь с царицей... И их дочери... Значит, во множестве расклеен-ные на заборах фотографии с повешенными женщинами и убитыми детьми, подписанные лаконично – «Зверства крас-ных», – правда?! А тот же Петруха говорил, что новая власть будет справедливой, что она просто за то, чтобы не было бед-ных и богатых, чтобы все сыты были. Кстати, после ухода солдат бесследно исчезли иконы в серебряных окладах, где на святых были серебряные же ризы, украшенные натураль-ным жемчугом – наследство прадеда-купца. Что же теперь будет? Она даже не заметила, что произнесла последний во-прос вслух.

– Хаос, Машенька, такой хаос будет...

Хаос и был, и начался он в их же доме. Безутешная вдо-

ва привела нового мужа. Приказчик Леонтий Силыч был маленьким, лысым, потным человечком с крошечными глазами-буравчиками и брюшком. Даже играть в доброго папу он не пытался: сразу же взял в руки домашнюю бухгалтерию и начал ежедневно напоминать о непосильном ярме в виде четырех «здоровенных девах, от которых никакого толку», только объедающих их с Тонечкой. Новому хозяину не составило большого труда убедить Антонину избавиться еще от одного груза, и совсем ослабевшую, равнодушную ко всему Евдокию Матвеевну сдали в больницу для хроников.

Первой не выдержала Вера – вышла замуж. Евгений Александрович Дружинин был намного старше и весьма трепетно относился к юности и красоте своей избранницы, обещая обеспечить ее всем мыслимым и немыслимым, помочь выучиться и сделать карьеру. В тот момент ей было не до романтических мечтаний, надо было бежать, бежать из ставшего ненавистным дома, от мерзкого липкого отчима, от ослепленной новой любовью и оттого еще более равнодушно-жестокоей матери, от этой кабальной зависимости. И неравный брак состоялся. Ни о какой учебе впоследствии и речи не было: Верочка родила дочь и до конца своей долгой жизни погрузилась в рутину домашнего хозяйства. Она, закончившая гимназию с серебряной медалью, так и не смогла реализовать своих знаний и старательности, несмотря на то, что и в 92 года читала правнучке стихи по-французски. Наизусть.

У четырнадцатилетней Машки тоже появился дыха-

тель – сын истопника Феденька, щеголь семнадцати лет от роду. Он носил лаковые штиблеты и претенциозно именовал себя Ферри, почти как у Маяковского:

Он был
монтером Ваней,
но...
в духе парижан,
себе
присвоил званье:
«электротехник Жан».

Ферри заваливал возлюбленную жаркими письмами, самое впечатляющее из которых заканчивалось словами: «И если Вы, Мари, не ответите на мои чувства и не станете моей, тады каюк и лапти кверху!» Мари не ответила, но лапти, как ни странно, остались на месте.

Они с Еленой пытались иногда подработать где получится, чтобы хоть как-то обеспечить себя и бабушку. Тяжелее всех приходилось младшей, Нине. Над ней отчим просто издевался, видимо, осознавая, что этот груз придется тащить еще долго. Когда девочка переболела тифом, Леонтий Силыч вслух искренне сожалел, что она выжила. Тарелку Нины он посыпал золой (эдакий вид дезинфекции) и брезгливо ставил на пол – есть за одним столом с барами прокаженная теперь не смела. Мать не заступалась, во всем поддерживая мужа. Знать бы тогда заносчивой харьковчанке, что несколь-

ко десятилетий спустя именно в московской квартире нелюбимой младшей дочери доведется ей доживать свои дни!..

Одинокая фигурка девочки-подростка со скорбно опущенными плечами стояла в осеннем больничном двореке. Она даже не пыталась вытирать слезы. Бабушка, самая родная, самая близкая... На кого же ты меня оставила?! Я ведь теперь одна, совсем одна во всем мире! Никто и никогда не будет меня больше так любить!

– Я тебе обещаю, – прошептала она, – я клянусь: когда-нибудь я стану такой же бабушкой, как ты!

– Пойдем, Маруся, – Леля мягко потянула сестру за руку. – До этого еще далеко. Бабулю похороним и будем собираться.

Машка с Еленой давно подумывали о переезде в более благополучный в то время Иркутск, куда их звала гимназическая подруга Лели, да не могли оставить бабушку. Теперь же ничто более не сдерживало – полная свобода. Свобода. И пустота. Боже, какая пустота!

Кузя поняла, что детство закончилось.

Глава вторая. Ее университеты

Иркутск встретил девушек доброжелательно. Он разросся, жил, ничто не напоминало о только что прогремевшей гражданской войне. Недавно введенный НЭП решил продо-

вольственную проблему, обеспечил рабочими местами тысячи горожан. Во множестве появились магазины, разнообразные лавочки, рестораны. Сестры с восторгом и недоверием взирали на витрины, изобилующие розовыми истекающими окороками, разнообразными колбасами, сырами со слезой и без, винами и многим еще, о чем пришлось, казалось, безвозвратно забыть. Они сняли квартиру недалеко от центра и преисполнились самых радужных надежд.

Люди так называемых свободных профессий наводняли улицы, придавая неповторимый колорит городу и эпохе. Цыганки и фокусники, ремесленники и коробейники, акробаты и старьевщики входили во дворы с призывами воспользоваться именно их услугами. Диапазон рекламы распространялся от простеньких «Пяять, лудить!», «Сапоги починяю!» и прочих до подлинных шедевров поэзии: «Спички шведские, головки советские! Пяять минут вонь, а потом огонь!».

Что это было за время! Сколько лет они будут вспоминать его как самое счастливое и беззаботное!

Карьеру свою Машка и Анечка, еще раньше перебравшаяся сюда с родителями, начали с кондитерской «Вольф и Ко» – совершенно сказочного царства сладостей с какими-то фантастически нежными, воздушными, свежайшими пирожными, конфетами, пирогами с самыми невероятными начинками, только из печи, разнообразнейшими шоколадными шедеврами. Девочки сглатывали слюну, а хозяин ласково улыбался:

– Кушайте, барышни, кушайте!

И барышни, смущенно переглянувшись, начали «кушать». Кулинарная вакханалия продолжалась неделю, по истечении которой они не то чтобы в рот что-то из ассортимента взять – смотреть на все это великолепие не могли – оно превратилось в обычный производственный инструмент. Методика старого нэпмана сработала безупречно.

Подруги почувствовали себя богачками: хватало не только на жилье и еду, но и на то, чтобы щегольски приодеться и даже раз в неделю сходить в синематограф или в театр. Особенно им полюбилась оперетта, старались не пропускать ни одной премьеры, а многие арии знали наизусть.

Появились и серьезные поклонники. Машка все еще находилась во власти комплексов, любовно посеянных матушкой, – считала себя некрасивой и тщательно прикрывала волосами «уши-вареники». Она смотрелась в зеркало – катастрофа! Совсем, совсем ничего от роковой красавицы, такой, как их кумир Вера Холодная! Однако обилие ухажеров медленно, но верно делало свое дело, убеждая, что она прехорошенькая.

Кондитерская быстро надоела, и Маруся, как ее все чаще стали называть, устроилась учетчицей в контору неподалеку. За соседним столом сидел счетовод Жорж – молодой человек с напомаженными усиками и жиденькими черными волосами, разделенными прямым пробором – ну чисто приказчик! «Так, Ферри у нас уже был, теперь вот и Жорж», – мыс-

ленно сыронизировала Машка. И как в воду глядела! «Стрела Амура поразила меня в самое сердце, как только Вы вошли!» Подобные записки она теперь находила каждый день – на столе, в кармане пальто, раскрыв конторскую книгу. Часто это были открытки с ангелочками, трогательными румяными девочками, сердечками и голубками. «Змеевидной!», «Ангел мой, люблю безумно!» – отчаянно вопили подписи на них, сделанные счетоводческой рукой. Ухаживания раздражали и смешили, но в ресторан сходить Жорж ее уговорил. Заведение было весьма помпезным, плюшево-золотым. На сцене перезрелая ярко накрашенная брюнетка с трагическим взглядом надрывно пела:

В ранний час так пусто в кабачке,
Ржавый крюк в дощатом потолке,
Вижу трю-у-уп-п на шелковом шнурке.
Разве в том была моя вина,
Что цвела пьянящая весна,
Что с другим стояла у окна?..

– Мне нужно выйти ненадолго, – шепнула Машка, неторопливо прошествовала к дамской комнате, а уж оттуда припустила во весь дух.

Счетовод возроптал и на следующий день лишь сухо ей поклонился. А вскоре Маруся и вовсе уволилась из конторы – удалось устроиться в редакцию газеты на сортировку писем.

Леля к тому времени вышла замуж. Человек азартный и увлекающийся, страстный игрок и коллекционер живописи, блестящий и щедрый кавалер, Виталий Иванович Петров очаровал ее в два счета и увез на золотые прииски в Бодайбо, где делал стремительную карьеру. Машка осталась одна.

У них с Анечкой появилось новое увлечение – тир, причем Кузя оказалась отменным стрелком. Когда барышни отправлялись пострелять, за ними неслась ватага мальчишек, радостно вопя: «Сорок первый пошел!» Тогда на экраны только-только вышел фильм по повести Бориса Лавренева, и сравнение с героиней, ее тезкой к тому же, девушке льстило. В тире она важно натягивала лайковые перчатки, неторопливо подходила к стойке, брала винтовку, целилась... Снисходительные улыбки присутствующих мужчин сменялись неперенной бурей оваций.

Журналист Лазарев, с которым они познакомились в редакции, изъяснялся не столь метафорично, как Ферри и Жорж, но атаковать начал стремительно. Он был образован, остроумен, с ним было о чем поговорить, но ничего похожего на романтическое влечение Машка не испытывала. Он же уже через неделю сделал предложение. Она отказала. И во второй раз. И в третий. Лазарев перешел к шантажу: «Если вы не выйдете за меня замуж, я брошусь под трамвай!» И тут в Марусе проснулась строптивая маман:

– Убирайтесь прочь! Замуж?! Да я вас видеть не могу! – она визжала и топала ногами, не узнавая себя. Лазарев рети-

ровался моментально. Но у двери, надевая свою неизменную кепочку, ележно улыбнулся:

– До свидания, ангел мой, я приду завтра!

– Ненавижу! – она запустила в него туплей, та глухо шлепнулась об уже захлопнувшуюся дверь.

Наутро по выходе из дому взгляду ее предстала чудная сцена. По двору на велосипеде раскатывал Лазарев. Из кармана его пиджака торчал крошечный изящный букет ландышей, а на плече... на плече восседал внушительных размеров кот. Причем был он спокоен как сфинкс.

– Доброе утро, Марусенька!

Она промолчала, изо всех сил сдерживая улыбку и пытается сохранить строго-неприступное выражение лица.

– Абзац, поздоровайся с девушкой! – и хозяин протянул коту букетик. Тот осторожно взял зубами цветы, мягко спрыгнул на землю, подошел к Марусе, положил ландыши к ее ногам и коротко мявкнул. Она не выдержала и расхохоталась.

– Спасибо, Абзац! И кто тебе дал такое странное имя?

– Хозяин-журналист. Чего от него еще ждать? – Лазарев развел руками.

– Вы уверены, что занимаетесь своим делом? Вам бы в дрессировщики!

– Талантливый человек и совмещать может, – скромно ответил укротитель.

Несложно представить, какими упорством, терпением и

целеустремленностью должен обладать человек, способный так выдрессировать кота – одно из самых свободолюбивых животных. И неприступная избранница в конце концов сдалась.

Можно ли назвать счастливым брак, в котором один довольствуется радостью обладания любимой женщиной, другая относится к нему то ли как неизбежному злу, то ли как к союзу единомышленников? Так или иначе, альянс этот просуществовал несколько лет и имел несомненные плюсы. Прежде всего, Лаза-рев настоял на том, чтобы жена начала писать хотя бы небольшие заметки, помогал, редактировал. Он ввел ее в круг интереснейших людей – молодых, ярких, творческих. И со всем этим можно было бы прекрасно жить, но ночи... Их она ждала с ужасом, заранее просчитывая возможности избежать постылой близости. И все думала, думала, когда же оно стерпится-слюбится...

Через два года супруга перевели в самарскую газету, и молодые уехали из Сибири.

Это было чудесное время – интересное, яркое, насыщенное событиями. Пара быстро обросла новыми знакомыми и приятелями, в основном коллегами-журналистами и их семьями, с которыми часто проводила выходные. После нехитрого угощения играли в буриме, фанты, читали стихи, устраивали поэтические дуэли и импровизированные мини-спектакли. Полноправным участником всех журфиксов был и привезенный из Иркутска Абзац. Если приемный день был

в другом доме, он прибывал в гости традиционно – на хозяйском плече. Полосатого аристократа в самарском обществе уже знали, любили, уважали и даже предоставляли место за общим столом: ему ставили отдельный стул, на стул – маленькую скамеечку, выделяли персональную тарелку и отрезали кусочек пирога, который почетный гость очень аккуратно и деликатно съедал. Потом начиналась развлекательная программа, и гвоздем ее, конечно же, был удивительный кот, демонстрировавший чудеса ловкости и сообразительности. Хозяин командовал: «Абзац, умри!» – кот театрально падал на спину, вытягивал задние лапы, передние складывал на груди, закрывал глаза и замирал. Так проходило несколько минут. Публика, затаив дыхание, наблюдала. Затем «покойный» открывал один глаз и вопросительно скашивал его на Лазарева. Тот едва заметно кивал, и усопший благополучно воскресал. Позабывшие об интеллектуальных развлечениях гости восторженно приветствовали звезду.

Но именно благодаря Абзацу Марии пришлось уйти из газеты.

Дело в том, что была у кота слабость: очень он любил выследить направляющегося в туалет человека, забраться на крышу и, когда глупое двуногое будет выходить, спрыгнуть ему на голову. Сами понимаете, какое чувство юмора нужно иметь и насколько любить животных, чтобы простить такое! Так вот, редактор газеты не обладал ни тем ни другим.

Михаил Илларионович Сиделин со своим великим тезкой

был схож только именем, но гордился этим безмерно. А после того, как остроумные сотрудники преподнесли шефу ко дню рождения копию картины Кившенко, планерки и не назывались иначе как «Совет в Филях». К тому же Сиделин обрел прозвище – Фельдмаршал. Он делал вид, что сердится, хмурился, но душу это согревало. Дело в том, что основной чертой руководителя газеты было неумное тщеславие. Гордыню свою он распределял умело. Так, бывая наездами на малой родине, никогда не забывал упомянуть, каких высот достиг, посетовать на то, как сложно управлять коллективом, большинство членов которого из ЭТИХ... Односельчане согласно кивали и гордились вышедшим в люди земляком. На ковре у начальства и среди коллег непременно кичился своим рабоче-крестьянским происхождением и с грехом пополам законченным рабфаком, опять же, горестно покачивал головой, рассуждая об ЭТИХ. ЭТИМИ были грамотные журналисты, преимущественно потомственная интеллигенция, к которой он испытывал подлинно пролетарскую ненависть. Пытался, конечно, стать своим парнем, но получалось плохо. Нет, Михаила Илларионовича не гнали, вслух не высмеивали, но он постоянно комплексовал, ощущая себя инородным телом в среде блестящих интеллектуалов и остроумцев. Трудно было простить и то, что ЭТИМ принадлежало авторство лучших из статей, подписанных его именем.

Маруся однажды попыталась деликатно поправить его,

объяснив, как лучше построить фразу, на что Фельдмаршал, злобно зыркнув, ядовито процедил:

– Нас, Мария Васильевна, в гимназии при царе-батюшке не брали, с суконной-то рожей да в ваш калашный ряд!

Она поняла, что погорячилась.

С чувством юмора дела тоже обстояли не лучшим образом. Иногда Сиделин даже сам мог пошутить, хоть и не очень удачно, и сам же своей шутке расхохотаться. Изредка понимал чужие, но только когда они не касались его самого.

А еще редактор терпеть не мог животных...

И вот этот человек стал очередной жертвой четвероногого беспредельщика!

Нечего и сомневаться, Фельдмаршал посчитал зловредную кошачью выходку тщательно спланированной диверсией.

Отношения с начальством были безнадежно испорчены, с работы пришлось уйти, а кота отучить от скверной привычки. Все же он был замечательным!

Социализм наступал по всем фронтам, жизнь менялась с неуловимой быстротой, Лазарев, как и многие его собратья по перу, не вылезал из командировок, дабы успеть запечатлеть капризы советской истории. А оставаться одной в частном доме, да еще по ночам, было страшно: бандитизм в 20-е годы прошлого века процветал. И когда в ночи раздавался жуткий стук в окно, Маруся едва не теряла сознание от ужа-

са. Превозмогая себя, она подходила и видела... улыбающуюся морду Абзаца, принесшего трофейную мышь. Да-да, он улыбался! И был безмерно горд тем, что может порадовать хозяйку как добытчик, с честью исполняя обязанности единственного мужчины в доме.

И все бы было хорошо, только вот никак не наступало обещанное опытными старшими подругами «стерпится-слюбится». Не стерпелось, не слюбилось. Настал тот день, когда молодая жена, покидав в фанерный чемоданчик свой немудреный гардероб и оставив записку тривиального содержания – «Прости, больше не могу, не ищи меня. Мария», ушла.

Он, конечно же, искал. И даже нашел. И снова были угрозы броситься под трамвай, повеситься, перерезать себе вены, утопиться в Волге.

– А лучше все сразу! – зло пожелала она.

Лазарев не выполнил ни одного из своих обещаний, очень скоро сошелся с какой-то женщиной, боготворившей его за ум и чувство юмора, оставаясь, однако, к ней абсолютно равнодушным. А позже, в самом конце 30-х, бесследно пропал. Поговаривали, что сгинул в сталинских лагерях.

Мария же никогда и никому, даже самой себе, не призналась, что не его она так люто ненавидела – не за что было, а себя – за ту минуту слабости, когда, уступив напору, согласилась стать его женой, за то, что так и не смогла ответить на его чувства. Как часто, бывая жестоки и извергая потоки

злости на других, мы маскируем тем самым недовольство собой!

Глава третья. Журналисты

Редактором новой газеты, куда она вскоре устроилась, был Павел Сергеевич Дыров, жестоко страдавший от неблагозвучности своей фамилии. Исправить это, конечно, было несложно, благо уже существовал знаменитый декрет 1918 года «О праве граждан изменять свои фамилии и прозвища». Он и сам не раз веселился, подписывая в печать номера с объявлениями:

– Гр-н Заплюйсвечка, родившийся в Тамбовской губернии, меняет фамилию на Онегин.

– Гр-н Пипкин, уроженец Иркутской губернии, меняет фамилию на Мятежный.

– Гр-н Дураков меняет фамилию на Ударников (о, это уже эпоха накладывает отпечаток!).

Почитав подобные объявления, Дыров понимал, что находится далеко не в худшем положении, но хотелось чего-то поблагороднее. И он решил проблему гениально просто – изменив всего одну букву, стал подписывать свои статьи как Даров. Братья-журналисты тут же радостно выдали шедевр:

Имеет Даров божий дыр —
Писать статьи двумя ногами.

Павел Сергеевич и правда автором был неважным, но редактором грамотным, администратором толковым, а человеком хорошим. Поэтому кара автора памфлета не постигла.

Главной темой газетных статей в то время была индустриализация, и Марии, как и многим другим, была поручена производственная рубрика. Она вызывала скуку, но интервью, знакомства со множеством интересных людей компенсировали это. Правда, было сложно избежать штампов. Планерки зачастую начиналась словами редактора:

– Так, Кузьмина, что у вас? Учтите, «когда прозвучал заводской гудок» сегодня уже было, «волнуясь и краснея, она взошла на трибуну» – тоже было! Свое, свое! Больше творчества, особенно в начале!

– Так дайте тему другую, более творческую! – однажды дерзко огрызнулась она.

– Ну что ж, будет вам творческая, – усмехнулся Дыров. – Зайдите ко мне после планерки.

О таком Машка даже мечтать не могла! Ей, молодому репортеру, поручили взять интервью у вдовы Чапаева, того самого, героя Гражданской войны, покрытого неувядаемой славой! Еще ни на одну встречу она не собиралась так тщательно.

Дверь открыла женщина с тяжелым неприветливым взглядом, с лицом простым, некрасивым, и вопросительно уставилась на Марию. Да, не такой, совсем не такой представляла она жену легендарного начдива!

– Здравствуйте! – заученно затараторила репортер. – Я Мария Васильевна Кузьмина, корреспондент местной газеты, мне поручено побеседовать о вашем супруге, герое Гражданской войны Василии Ивановиче Чапаеве...

Пелагея продолжала смотреть исподлобья, не мигая. И, видимо, посчитав, что достаточно выразительно объяснила все взглядом незваной гостье, захлопнула дверь перед ее носом.

– Ну-с? Как поживает наше интервью? – Дыров весело потирал руки.

Маруся затравленно глянула на начальника и... разрыдалась.

– Она... она даже говорить со мной не ста-а-ала-а-а! Халда!

– Что делать, деточка, вам хотелось творческого задания – и вы его получили! Но материал должен быть через два дня – десятая годовщина Советской власти, знаете ли! Ищите!

Ни сам редактор, ни тем более его подчиненная в ту пору не могли знать, как несчастлив в личной жизни был бесстрашный командир, как и о том, что первая благоверная, красавица-мещанка, тоже Пелагея, оставила его с тремя детьми, а вторая не просто изменяла – еще и сдала белым, и гибель Чапая-героя – заслуга той самой мрачной Пелагеи второй. Какие уж тут откровения с прессой?! Но обо всем этом престарелая дочь Чапаева Клавдия расскажет лишь в

самом конце двадцатого века. Тогда же... тогда жена Цезаря должна была оставаться вне подозрений, а имя героя напроочь отсечено от досужих сплетен. Журналисты решили, что вдова просто устала от домогательств их многочисленных коллег.

Машка всхлипнула, припудрила носик и отправилась в библиотеку – поднимать подшивки газет, искать воспоминания боевых товарищей и родных. Интервью не интервью, но статья получилась теплой и живой, такой, будто автор лично пообщался со всеми. Похвалили, даже премировали.

Следующее задание было не менее увлекательным: ожидали прибывающий проездом японский театр «Кабуки», и Марусю отправили его встречать. Получасовая стоянка поезда давала шанс даже проинтервьюировать.

Перрон был полон. Здесь находился весь цвет города, играл оркестр и продавали сладости. Наконец появился поезд. Ах, это была сцена, достойная шедевра братьев Люмьер: так оживился вокзал, таким неподдельным восторгом наполнились глаза встречающих! Удивительно, но Машке удалось пробиться к прославленным артистам и даже пообщаться. Но, бог мой, что это было за общение! Доброжелательные японцы радостно улыбались русской красавице-репортеру и пытались говорить с ней на всех европейских языках. Маруся же вдруг с ужасом поняла, что по-немецки помнит только «Гутен морген, гутен таг, дам по морде – будет так». Знание гостями французского обрадовало, она даже пролепе-

тала дежурное «Бон жур, месье! Камо сава?» и... в голове почему-то упорно всплывали только «пур ле пти», «пур ле гран» и «ма повр тет». Все, что было известно помимо этого, бесследно улетучилось от волнения. Она сгорала от стыда и проклинала свою гимназическую лень. Это был позор, больше которого испытывать ни до, ни после не приходилось. Жутко покраснев, корреспондент использовала последнюю конструкцию, картинно прижав пальцы к вискам. Японцы заволновались, сочувственно закачали головами, кто-то побежал за водой, но она сочла за благо поскорее исчезнуть. В ушах холодным металлом звенел голос мадемуазель Натали и ее слова, сказанные на осенней пересдаче французского: «Вы очень способная барышня, Кузьмина, и подготовились в этот раз превосходно. Но я поставлю вам «удовлетворительно» – за ваше отношение к предмету!»

В статье пришлось довольствоваться наблюдениями и эмоциями.

Ее пригласили в «Волжскую коммуну». Вот это уровень, вот это рост, вот это перспектива! Областная газета, с которой сотрудничали Фрунзе, Фурманов, Серафимович, Бедный! Маруся перешла туда с удовольствием. Она и сама чувствовала, что становится настоящим журналистом, популярным и востребованным, виртуозно владевшим массой полезных навыков: искать темы, ловить неуловимых, достигать недостижимых, входить не только через парадную дверь, но и

через черный ход, а иногда и в окно, воспользовавшись пожарной лестницей. Да-да, был в Машкиной практике и такой случай, после которого очень занятой директор завода, люто ненавидевший прессу, сдался под натиском отчаянной амазонки и пробеседовал с ней целых два часа. Пришло понимание того, что зачастую самые интересные материалы получаются не по заданию редактора, а экспромтом, лучшие интервью – не те, что назначены, а проведенные в результате удачного стечения обстоятельств и благодаря находчивости.

Однажды позвонила приятельница – Алла Николаевна, дама светская и приятная во всех отношениях:

– Марусенька, завтра у нас званый ужин, и вы приглашены. Приходите – не пожалеете! Будет интересно – и как женщине, и как журналисту. Ожидается много интересных людей, а среди них... – она выдержала многозначительную паузу и торжественно закончила: – Сам Дыбенко!

– Ого! Алла Николаевна, спасибо, дорогая! Это же такой материал – находка! Буду, непременно буду!

До дома, куда Маруся была звана, оставалось совсем немного, когда сзади послышались звуки приближающихся шагов. Оглянулась – ее догонял какой-то военный. Краем глаза успела заметить, что с бородкой, высокий, в плечах кося сажень. Прибавила шагу, он тоже. Резко свернула в нужный переулок, военный за ней... Тут уж стало не до шуток, и она побежала, петляя дворами. Кажется, удалось оторваться. Выждала минут 20 и продолжила свой путь, все время

беспокойно озираясь. Наконец влетела, запыхавшись, в дом и прямо с порога выложила уже озабоченным ее опозданием друзьям:

– Уффф! Черт в портупее! Седина в бороду – бес в ребро! До самой Коммунальной гнался!

– Ну-ну, Марусенька, все хорошо! – ласково проговорила хозяйка. – Выпейте водички, успокойтесь и проходите, все уже собрались! Я вас кое-кому представляю, – добавила она заговорщицким шепотом. Затем ввела гостью в комнату и слегка жеманно произнесла:

– Вот, Маруся, познакомьтесь – Павел Ефимович! А это наша Машенька – очень перспективный журналист, корреспондент «Волжской коммуны».

– Дыбенко! – отрекомендовался мужчина. Маруся подняла глаза и обмерла: перед ней стоял, насмешливо прищурившись, тот самый военный-преследователь, он же – легендарный балтийский матрос, нарком по морским делам и прочая, и прочая... Сам Дыбенко меж тем продолжил:

– Да-да-да, седина в бороду – бес в ребро, до самой Коммунальной гнался! Ах, черт в портупее! Таких к стенке ставить надо, чтобы хорошеньких девушек по переулкам не пугали! – и командуящий Приволжским военным округом расхохотался.

– Простите, пожалуйста, было темно, я не разглядела, – пролепетала вконец сконфузившаяся надежда советской журналистики.

– А что нам с вами просто по пути, в голову не пришло, милая барышня?

– Извините...

Много лет спустя Мария с удовольствием рассказывала об этом как о забавном случае, но в тот вечер ей было уже не до смеха. И даже не до интервью.

Как-то раз Антонина, давно уже вдова, решила провести дочерей. Встреча с Марией ее приятно удивила.

– А ты хорошенькая! – констатировала маман со смешанным чувством удовлетворения и досады. – И самая успешная из всех!

Ну надо же, удостоилась! Машка похвалу восприняла иронично. Да и не относилась мать уже давно к числу тех людей, чье мнение что-то значило. Ощущение было такое, будто приехала погостить дальняя родственница. Та побыла две недели и отправилась к младшей, своей тезке.

Хорошенькая... Да она была просто красавицей! И внимания со стороны мужчин было столько, что иногда раздражало. Везде – на работе, в театре, парке, на улице. Избавиться от назойливых ухажеров острой на язычок барышне труда не составляло.

Николай Абалкин, восходящая звезда журналистики, обхаживал ее долго и упорно, но взаимности так и не дождался. После очередной весьма резкой отставки он не выдержал и решил страшно отомстить. Заключалась месть в том, что

отверженный прилюдно заметил:

– Какие некрасивые руки!

– Да, Коля, – улыбнулась Маруся, мгновенно среагировав. – Это последствия полиартрита – детство нелегкое было. Но на некрасивые руки, знаете ли, можно перчатки надеть, а вот что делать с таким носом, как у вас?!

Абалкин обиделся смертельно и долгое время с ней не разговаривал. Со временем он стал известнейшим театральным критиком, литературоведом и телеведущим. Маруся, точнее, уже Мария Васильевна, с интересом смотрела его «Театральные встречи», не без удовольствия, правда, отмечая некоторую слащавость вкупе с иными недочетами и вспоминая былое.

Они столкнулись на лестнице. Она поднималась в редакцию, сдавать материал, а он бежал вниз и чуть не сбил девушку с ног.

– Да что же это такое!

– Простите, простите, пожалуйста, я торопился, ничего не видел!

– Да ничего, смотрите под ноги в следующий раз.

Он стоял и не двигался, внимательно и довольно бесцеремонно ее разглядывая. Она подняла глаза. Как же был хорош этот высокий, стройный военный! Черные, как вороново крыло, волосы откинута назад, высокий лоб, четко очерченные густые брови, большие выразительные гла-

за, классической формы нос, упрямый рот, волевой подбородок. «Нет... Слишком, слишком красив!» – подумала Маруся. Сама она – маменькина заслуга! – никогда не считала себя красавицей, хотя таковой и являлась.

– Карл Карлович Еник, военный корреспондент, – отрекомендовался тем временем молодой человек. – А вас как зовут?

– Мария. Мария Васильевна Кузьмина, репортер «Волжской коммуны».

– Значит, встретимся. И, надеюсь, не раз, – улыбнулся он. – Мария... Прекрасное имя! Как и его хозяйка. А можно, я вас подожду, а потом провожу?

– Вы, кажется, куда-то очень спешили? – она строго взглянула и быстро пошла наверх.

Когда Маруся через полтора часа вышла, новый знакомый шагнул ей навстречу и широко улыбнулся:

– Долго же вы! А я уже закончил все свои дела.

– С чем вас и поздравляю!

– А вам совершенно не к лицу эта надменность – заметно, что наносное. Знаете, – он продолжал живо, доброжелательно и невозмутимо, будто не замечая ее недоумения, – у меня замечательная идея: мои друзья сегодня устраивают вечер поэзии, начало часа через два. А пока мы могли бы погулять в парке.

Она и самой себе не могла бы объяснить, почему согласилась. Может, из любопытства? Или из желания присмотреть-

ся и позже поставить на место самонадеянного красавца? Но это определенно не была любовь с первого взгляда!

Вечер, впрочем, был замечательным. Читали Северянина, Гумилева, Ахматову, Волошина, исполняли романсы на их слова, танцевали. После шли по ночному городу, снова говорили, спорили.

– Вам понравилось?

– Да, очень мило, но...

– Но что?

– Все это... – она смутилась, не зная, как определить бушующие в мыслях противоречия. – Это мелкобуржуазно и пошло! А мы – советские журналисты!

– Марусенька, ну что за штампы! – Карл засмеялся. – И потом, разве там было что-то антисоветское? Любовь, дальние страны, романтика... Это вечно и никоим образом не зависит от общественного строя. Вы ведь любите Пушкина? А его таким манером тоже можно в пошлости обвинить!

– Нууу, – растерянно протянула она, – Пушкин – это совсем другое!

Маруся лукавила. Ей не просто нравились, ее завораживали стихи Северянина, и почти все их она знала наизусть, а над ахматовским «Сероглазым королем» рыдала еще гимназисткой, но во времена всеобщей индустриализации и электрификации признаваться в этом, да еще военному корреспонденту, казалось неприличным. Он между тем продолжал:

– Вот скажите, что пошлого в этих строках:

В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом
По аллее олуненной Вы проходите морево...?

И она подхватила:

Ваше платье изысканно, Ваша тальма лазорева,
А дорожка песочная от листвы разузорена —
Точно лапы паучные, точно мех ягуаровый...

Они прогуляли почти до утра, читая любимые стихи, смеясь, болтая. Он боготворил Маяковского, даже однажды встречался с ним. Да и сам был похож на своего кумира. Вот тут они не совпадали: Марусе не нравились рубленые строки Командора. Но с Карлом было необыкновенно интересно, как ни с кем и никогда.

Внимание красавца-военкора льстило, она с удовольствием проводила с ним время, принимала приглашения в кино, театр, на концерты. О дальнейшем не думала. Ей просто было очень хорошо. И лишь когда Карл уехал на месяц в командировку, ощутила гнетущую пустоту: хотелось без конца говорить с ним, видеть это уже ставшее таким родным лицо, слышать любимый голос... Любимый? Неужели это произошло? Неужели она, неприступная и колючая Кузя, влюбилась по-настоящему?..

Он вернулся и сразу же прибежал к ней. Без предупре-

ждения, с цветами и еще каким-то свертком. Взял за руки, посмотрел в глаза, долго-долго. И наконец заговорил:

– Машенька, послушайте. Похоже на то, что меня вскоре отправят в тьмутаракань, на Дальний Восток. Надолго. Возможно, на год, на два. Это приказ. Но там масса интереснейшей работы. Поедете ли вы со мной?

– С вами – хоть на край света! – жарко выпалила Маруся и сама подивилась такой страсти.

– Значит, вы не будете возражать, если на следующей неделе я перевезу сюда свой письменный стол?

– Ну не мой же к вам! Ваша коммуна меня совершенно не привлекает, – засмеялась она.

– Тогда вот! – в свертке оказалась бутылка крымской «Массандры» и того же происхождения фрукты. Они пили вино, танцевали, смеялись и строили планы, так много планов на такую долгую жизнь...

После торжественного водружения стола из мореного дуба, с непременным зеленым сукном, наконец-то перешли на ты. И еще у Маруси появилось два чудесных новых имени – Марийка и Чижик.

Командировка, слава богу, в итоге отменилась, но ячейка общества была создана.

Ей всегда казалось, что подобное может происходить только в романах и фильмах, что она, Машка, никогда не испытает такого всепоглощающего счастья, такого полного взаимопогружения, такой безумной любви. Как же хорошо им

было вместе! И совершенно неважно, чем заниматься: работать ли, слушать ли Вертинского или Юрьеву, спорить, путешествовать по Волге, просто сидеть рядом, взявшись за руки – все, абсолютно все приобретает иной окрас, иной вкус, самые заурядные вещи становятся необыкновенными... Она выучила наизусть всего Маяковского – не потому, что вдруг страстно полюбила, а для того, чтобы аргументы в спорах о поэзии были весомее, чтобы заметнее был контраст с тем же Есениным. Он смеялся, аплодировал:

– Вот видишь, а без меня ты только «Что такое хорошо...» знала бы!

Она сердилась и запускала в него подушкой.

– Карли, послушаешь? Я материал закончила.

– Я весь внимание, моя госпожа!

– Ну? – Маруся ждала похвалы. Он задумчиво расхаживал по комнате, почесывая подбородок. Наконец остановился, нежно обнял ее за плечи, потерся щекой.

– Знаешь, Чижик, ты потрясающая женщина, но журналист весьма заурядный...

– Что?! Да ты просто завидуешь! Это твой мужской шовинизм! Конечно! Как же! Женщина – и приличный журналист, да еще в такой газете!

– Ты и правда думаешь, что в «Волжскую коммуну» сложно попасть с такой внешностью и столь живым умом, как у тебя?

– Наглец! Он еще и улыбается! Не ожидала! Убирайся! –

она с трудом сдерживала рыдания.

– Чижик... Чижик, любимая, я же из лучших побуждений, не для того, чтобы тебя унижить...

– Радуйся, тебе это удалось блестяще!

– Нет. Мы будем над этим работать. Пойми: материал должен быть не просто грамотно изложенным и достоверным, он должен быть читабельным! Ты должна держать читателя, даже если тема – сухая казенщина, как вот сейчас, к примеру. Садись и пиши. Итак, что мы имеем?..

Он снова ходил взад-вперед по их маленькой комнатке, курил и диктовал, диктовал и курил, а она писала.

Маруся еще раз перечитала новый вариант – от первоначального не осталось камня на камне, но это была интересная, живая, безупречно написанная статья.

– Прости, ты был прав, я бездарность.

– Ты умница, – Карл поцеловал жену в висок. – Поработаем немного так, потом пойдет как по маслу!

Лазарев привел ее в журналистику, Карл сделал журналистом.

Они прожили вместе около двух месяцев, когда соседка принесла то письмо:

– Карл Карлович, это вам!

Он вскрыл конверт, пробежал, криво как-то, горестно улыбнулся, отошел к окну, достал сигарету, затянулся.

– Карл, от кого это? Там что-то плохое?

Муж неопределенно пожал плечами и положил листы пе-

ред ней.

«Мой дорогой, мой любимый друг, я уезжаю. Сажу в купе, смотрю в окно, а рядом спит совершенно чужой человек – мой муж. Да, я тоже связала себя узами брака. Он офицер, и мы отправляемся к месту его службы. Нет, я это сделала не назло вам, просто хочу сбежать, исчезнуть. Никакой возможности видеть вас, улыбаться и знать, что эти глаза, эти губы, руки принадлежат другой женщине. Я не осуждаю вас, вы ничего мне не обещали, не сбежали из-под венца, но все это время я надеялась. Надеялась на то, что когда-нибудь мы будем вместе.

Я знала, что у вас появилась другая, я видела ее. Да, она необыкновенно хороша. И, как ни горько это признавать, вы очень красивая пара. Не думала, что все так серьезно, но это произошло – вы стали чужим мужем. Простите, что не приняла ваше предложение дружбы – это выше моих сил. Я сейчас скажу ужасную банальность, но будьте счастливы, Карл Карлович. А в моем сердце вы будете всегда.

Знали ли вы, что я пишу стихи? Вряд ли, вас это никогда не интересовало. А между тем есть посвящение вам. Вот оно.

Солнечному

Я помню вечер этот знойный...

«Мы расстаемся» – ты сказал.

*Еще никто такой спокойный
Меня в объятиях не держал...
Я помню рук твоих сплетенье
И запах крепких сигарет,
И неумное волнение,
И мой вопрос, и твой ответ...
И взгляд, от страсти потемневший,
И нашей ночи первой пыл,
И ветерок внезапный вешний...
А ты? Ты, верно, все забыл...
Как больно бьет, бывает, слово!
Ты предлагаешь мне дружить...
А я произнести готова
Все то же: «Alles aber nichts!»*

– Oder, – машинально поправила Мария – откуда-то вдруг всплыли обрывки гимназических знаний.

– Что?

– Кто из нас немец? По-немецки «Все или ничего» – «Alles oder nichts!», если она это хотела сказать. А aber – но. Ты ее любил?

– Мне было с ней хорошо.

– А потом?

– А потом я встретил тебя.

– И?..

– И... И все! – он беспомощно развел руками.

– Мне ее жаль. Очень, – прошептала она. – Умная, интел-

лигентная и, наверное, красивая...

– Да... Марийка, родная, давай я сожгу это письмо, и мы больше не будем к этому возвращаться. Я просто не посчитал возможным что-либо от тебя скрывать.

– Нет, – она покачала головой. – Возвращаться не будем, а жечь ничего не надо. С чувствами так нельзя.

Они и правда больше никогда не говорили об этом, но письмо Мария сохранила навсегда.

А купеческая Самара тем временем неуклонно превращалась в промышленный Куйбышев. Строились дома и предприятия, открывались клубы и дома отдыха – осуществлялось «планов громадье», и молодые журналисты, уже получившие от щедрот государства квартиру, работали с небывалым подъемом, ощущая свою сопричастность великому делу Сталина – Ленина, свято веруя в правильность курса, указанного вождями и партией.

Благосостояние советского человека выросло настолько, что родное правительство решило запретить аборт: «Нам нужны люди! Наша страна готова вырастить и прокормить всех своих граждан!».

Карандаш резво бегал, едва успевая за словами главврача роддома: теперь непременно повысится рождаемость... женщины будут навсегда избавлены от непоправимого вреда, наносимого искусственным прерыванием беременности, от угрозы бесплодия... каждая, слышите, каждая должна лично поблагодарить товарища Сталина за заботу о здоровье ее

и будущих детей, за дарованное ей счастье материнства!

– Спасибо, – Маруся захлопнула блокнот. – А теперь, если можно, не для прессы.

– Не для прессы? – устало взглянула пожилая женщина. – Извольте. Теперь начнут привозить с кровотечением, с морковкой, с ложкой... Раздолье для абортмахеров! Но это между нами, я надеюсь.

– Да-да, я понимаю, конечно!

– Кстати, а у вас дети есть?

– Нет, все как-то...

– Вот и не тяните. И приходите рожать!

– Договорились! – она улыбнулась и направилась к выходу.

А ведь она права, эта докторша с усталыми глазами. Пора. Ей 31 год. Но им так хорошо вдвоем!

Карл увлекся киножурналистикой, и получалось у него здорово. Он вообще был не только умен и красив, но и необыкновенно, всесторонне талантлив: великолепно рисовал, ни дня нигде специально этому не проучившись, прекрасно фотографировал. Сценарии к двум документальным фильмам были одобрены в Москве и уже взяты в разработку. При этом не оставлял службы военкора. Однажды просто влетел домой, радостный, возбужденный, закружил жену:

– Марийка, Чкалов приезжает, послезавтра беру у него интервью!

Отчаянно смелый летчик был идеалом не только для

мальчишек, на него молилось несколько поколений, и Маруся даже позавидовала мужу по-белому – уж очень хотелось пообщаться с легендой авиации.

После интервью сидели до глубокой ночи, Карл с восторгом рассказывал о простоте и обаянии кумира, хохотал над его проделками вроде пролета под Троицким мостом в Ленинграде и даже заикнулся было о...

– Нет! – твердо заявила жена. – Никаких ОСОАВИАХИМов! Тем более, скоро нас будет трое...

– Чижик... Любимая! Как же я рад!

Вот чего он был абсолютно лишен, так это столь полезного в хозяйстве набора мужских навыков – даже такая мелочь, как необходимость вбить гвоздь, приводила его в смятение. Марию это не особо огорчало – всегда можно было вызвать электрика, водопроводчика, бригаду штукатуров и заплатить им. Покупку предметов интерьера он тоже считал излишеством, и мудрая жена наловчилась покупать приятные мелочи, создающие домашний уют, когда муж был в очередной командировке.

– Марийка, чьи это стулья? – с недоумением вопрошал он, вернувшись. – Откуда?!

– Я их купила!

– А этот абажур?!

– И его тоже.

– Но это же безумно дорого!

– Но мы ведь прилично зарабатываем, я накопила. Тебе

же хочется возвращаться домой, а не в сарай?

– Домой... И знаешь, у нас очень уютно.

– Ну вот видишь, а ты говоришь – излишества...

Подготовкой дома к появлению малыша они все же занимались вместе: Карл рисовал эскизы, она принимала их или отвергала, наконец план генеральной реконструкции был утвержден и Мария принялась его воплощать.

Осенью родилась девочка, крошечное черноволосое чудо, так похожее на отца.

Она читала это сумасшедше нежное письмо, лежа в многоместной палате, и улыбалась.

Октябрь, 1937

Родные мои Марийка и Лорочка!

Жду не дождусь вас. Завтра в 2 или 3 часа приеду за вами. Сообщи мне, пожалуйста, что нужно купить и приготовить. Как быть насчет ванночки? Может быть, можно применить таз?

Сегодня был у Тениковой (наш новый управдом), нажимал насчет тепла. Говорит, что 26 октября ремонт отопления закончат. Пока придется жечь камин, он спасет нас. Кроме того, можно еще керосинку и большую лампу (в большой комнате, чтобы не было большой разницы температур).

Марийка, как кушает Лорочка? Достаточно ли у тебя молока?

Жду вас с нетерпением!

Ваш любящий муж и отец

Карл Еник

Они с удовольствием погрузились в эту совершенно новую для себя жизнь, попеременно вставая ночами к Лориньке и радостно осваивая родительские обязанности. Малышка росла красивой и шаловливой, Карл упоенно фотографировал жену и дочь, восхищаясь их фотогеничностью. С какой гордостью он вез коляску, держал девочку на руках! Это его, и только его, а значит, самое лучшее, самое любимое! По-прежнему собирались с друзьями, теперь уже тоже молодыми родителями, устраивали пикники, детские праздники, путешествовали по Волге. Самая красивая пара превратилась в самую красивую семью Куйбышева.

Неужели это она, дикая забитая Кузя, родившаяся в сибирской глухомани, на станции Иланская, так счастлива? Неужели это у нее, у Машки, влюбленный как мальчишка, умница и красавец муж и чудесная дочь, своя уютная квартира? Неужели это она работает в крупнейшей областной газете и живет в прекраснейшем из городов, в двух шагах от великой русской реки? Неужели есть все то, о чем она даже мечтать не смела?! Или нет... смела. Но только мечтать. Господи, пусть это никогда, никогда не кончается!..

Глава четвертая. Страх

– Как же так, Мария Васильевна? Вы, советский человек, перспективный молодой журналист – и член семьи изменника родины?

– Это какая-то ошибка, гражданин следовательно, – с трудом выговорила она помертвевшими губами. – В нашей семье нет и не может быть изменников.

Боже... Неужели Карл?! Где он сейчас? Вчера пришло письмо из Сумской области – он там в командировке. Все как обычно: тетрадный листок дышал нежностью и заботой – «Родные мои Марийка и Лоринька!...» Писал о работе, о людях, о встречах, спрашивал, что привезти... Но пока письмо шло, всякое могло случиться... Она похолодела.

– Вот как? А кем вам доводится гражданка Петрова Елена Васильевна, 1905 года рождения, в девичестве Кузьмина? – лейтенант госбезопасности вперил в нее тяжелый, холодный, немигающий взгляд.

– Сестрой. Родной сестрой, – будто не она отвечает, будто какой-то равнодушный кукловод дергает за ниточки. Леля! Они же несколько месяцев назад встречались – все было хорошо! И Ларочка, дочка ее, совсем взрослая, барышня уже. Слава богу, что не Карл! Господи, о чем я думаю?!

– Сестра... очень хорошо... Значит, вы утверждаете, гражданка Кузьмина, что сестра ваша никогда ничего поро-

чащего советскую власть не говорила?

– Никогда, – в голосе появилась твердость.

– Ну что ж, прекрасно, прекрасно... А скажите, гражданин Кузьмина, с вашим зятем, Виталием Ивановичем Петровым, вы близко знакомы? – холодный взгляд так же неподвижен, сверлит насквозь. «Как удав на кролика!» – подумалось неожиданно. Тьфу, черт, что за метафоричность в такой момент. Вот оно, профессиональное!

– Не очень, – Мария равнодушно пожала плечами. – Сразу после женитьбы он увез ее в Бодайбо, виделись мы довольно редко, на семейные встречи он приезжал раза три, не более.

– Да-да... А о деле Бодайбо вы не слышали? О злоупотреблении многих руководящих работников служебным положением? И о том, что вашему родственнику крупно повезло – его просто перевели управляющим в ГлавГрузиязолото?

– Слышала, конечно – мы с Еленой виделись в прошлом году.

– Отлично, отлично... А во время встреч о чем вы разговаривали с гражданином Петровым?

– О разном разговаривали. Виталий Иванович – человек образованный, у него прекрасная коллекция живописи. Об истории, о культуре много беседовали.

– Ага... А о своих связях с иностранной разведкой гражданин Петров никогда не упоминал?

– Да вы что? Это, простите, абсурд! – от нелепости вопроса ей стало смешно. Ну да, жулик еще тот Лелин благовер-

ный, игрок, но какая там разведка?

– Абсурд, говорите? – криво усмехнулся следователь. – А вот если я вам сообщу, гражданка Кузьмина, – он навалился всей грудью на разделявший их стол и почти вплотную приблизил к ней свое лицо (прыщавый какой, фу!), – что супруг вашей сестры, Виталий Иванович Петров, 1900 года рождения, изобличен как активный участник антисоветской организации и обвинен в шпионаже в пользу Англии? Вам и тогда будет смешно?

Бред... Не может этого быть! Что же будет с Лелей, с Ларочкой? Она молчала. То, о чем они слышали по радио и на митингах, читали и иногда писали сами, коснулось ее семьи, сестры.

– Вы хотите спросить, что теперь будет? – этот страшный человек будто читал ее мысли. – С гражданином Петровым уже ничего, – лейтенант гадко хихикнул. – Он получил по заслугам: был приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

– А... а Леля? Елена? Что с ней? – Марии стало по-настоящему страшно. Липкий пот стекл по спине, пальцы противно дрожали.

– Следствие по делу гражданки Петровой Елены Васильевны еще не закончено, и вы могли бы помочь ему. И себе, – с нажимом добавил он.

– Мне нечем вам помочь, правда. Послушайте... моя сестра – честнейший человек, я в этом глубоко убеждена. А у

меня грудной ребенок.

– Да, нам это известно. Вот о ребенке и подумайте, гражданка Кузмина. И знаете, я ведь вам верю. И думаю, если вы отречетесь от родственников – врагов народа, это будет правильным шагом.

– Родственников не выбирают, гражданин следовательно.

– Воля ваша. Но вы бы подумали все же... Идите. И если вдруг что-то вспомните, сразу же сообщите.

– Да, конечно. Спасибо.

– И вот еще что. Вы ведь замужем за немцем?

– Да, – она подобралась, будто волчица, приготовившаяся к прыжку.

– Позвольте дружеский совет, Мария Васильевна, – голос лейтенанта потеплел, стал вкрадчивым. – Разводитесь. Времена тревожные, случаев шпионажа в пользу иностранных разведок много. Вы ведь русская женщина! Брак гражданский, нигде не зарегистрирован – только вещи собрать...

– Это исключено. Я очень, слышите, очень люблю своего мужа! До свидания.

С трудом поборов искушение запустить в этого жуткого доброжелателя графином и изо всех сил хлопнуть дверью, изображая максимальную невозмутимость, она на ватных ногах добралась до дома.

Приходящая домработница Клава, славная деревенская деваха, укачивала Лориньку:

– Корабли-и-и, о, як горели бу-у-ухты,
Привезли тропические фру-у-укты...

– Оякорили, Клавочка...

– Че?

– Оякорили, а не «о, як горели». Не бухты горели, а корабли оякорили их, то есть бросили якоря.

– Ай, да мне без разницы, красивая песня. Марь Сильна, а чей-то на вас лица нет? Случилось что?

– Нет. Все хорошо, Клавочка, я просто устала.

– Да вы ложитесь, я еще с ребеночком посижу, а хотите – мы погуляем, а вы отдохните.

– Конечно, спасибо тебе.

Мария упала на кровать и уставилась в потолок. «Хаос, Машенька, такой хаос будет!» – вспомнились слова бабушки. Хаос... Страна идет вперед, везде гигантские стройки, стахановское движение вот... «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живет, работа спорится... Если бы у нас жилось плохо, неприглядно, невесело, то никакого стахановского движения не было бы у нас». Ведь это правда! Сталин мудрый, справедливый, он действительно провидец. Все, что обещает в своих речах, сбывается. С каким энтузиазмом народ работает, едет осваивать тайгу и пески! Разве есть еще в мире такая страна?! Тогда почему арестовывают невинных людей? Почему сегодня ее пы-

тались заставить предать самых дорогих и близких? В измену Елены и Виталия Ивановича было поверить так же невозможно, как во вредительство соседа Коли, в антисоветскую пропаганду их коллеги Грини – остроумного, обаятельного, замечательного журналиста, в умышленное искажение портрета Буденного в прошлогоднем номере «Волжской коммуны». Как они с Карлом ни крутили газету, не нашли сходства звезды на его рукаве с фашистской свастикой. А первый секретарь обкома Павел Постышев углядел... Обвинили фотографа и типографского работника. Может, Гриня был прав, когда за неделю до своего ареста выразил предположение, что Вождь ни о чем не знает, что его обманывают?..

– Тихо, тихо, родная, не надо, услышат соседи. Я тоже не верю и никогда не поверю в вину твоих родственников. А ты умница, что не отказалась от сестры.

– Карли, Карли, что же теперь будет?! Мне страшно! За тебя, за себя, за Лориньку!

– Не бойся, Чижик. Чему быть, того не миновать. Что бы ни случилось, мы всегда будем вместе. Ты мне веришь?

– Верю. Только тебе и верю, – она спрятала лицо у него на груди, еще раз всхлипнула. – Пойдем в детскую, ты, наверное, соскучился по дочке.

А в далеком прекрасном Тбилиси произошло вот что.

Несколько месяцев спустя после вступления в новую должность Виталий Иванович составил справку, в коей ука-

зывалось на недостаточное количество золота на вверенном ему объекте и как следствие – нецелесообразность существования организации как таковой. Это было чистейшим безумием – в случае одобрения документа в верхах слишком многие оставались без кормушки, а миф о национальных богатствах одной из братских республик лопался как мыльный пузырь. Но гражданин Петров был надменен и дерзок, за что и поплатился.

К ним пришли ночью. Без ордера, но с большими сумками. Виталия увели, коллекционные картины снимали со стен и сложили в заранее подготовленную тару – «вещественные доказательства». Ни мужа, ни «доказательств» Елена больше не увидела. Через день после ареста, 3 марта 1938 года, гражданин Петров был осужден как английский шпион, а 4 марта расстрелян.

Ни об обвинении, ни об исполненном приговоре тогда ей никто не сообщил, и, возмущенная грабежом и беззаконием, безуспешно пообивав пороги неприступных кабинетов, верная супруга решила добиться справедливости в высшей инстанции – она позвонила прямо товарищу Сталину, благо его рабочий номер в то время был во всех телефонных справочниках – вот она, истинная демократия! Поговорить с лучшим другом всех советских трудящихся не удалось, но секретарь внимательно выслушал и тепло пообещал разобраться с непонятным делом.

На следующий день пришли за ней... Так Леля стала не

только ЧСИР (членом семьи изменника Родины), но и врагом народа.

Допросы в Тбилисском НКВД шли ночью. Окна из-за летней жары были открыты, жуткие крики не давали спать. В 1939-м Берия сменит Ежова и запретит пытки, но это будет лишь через год...

Ее приговорили к 10 годам исправительных работ. Выжить удалось благодаря тому, что Елена прекрасно готовила. Оценив уровень ее кулинарного искусства, жены лагерного начальства часто использовали его в своих интересах. Сколько же раз она с благодарностью вспоминала гимназическую классную даму, обучавшую девочек домоводству!

В 1948 году гражданка Петрова Е. В. была освобождена и выпущена на вольное поселение.

Обо всем этом станет известно много лет спустя, а тогда, в самом конце 30-х, по всей стране молотила мясорубка, запущенная Великим Кормчим. Уже был расстрелян Дыбенко, многих знакомых увезли в никуда «воронки». Даже особая бдительность Постышева, проявившаяся в массовых репрессиях в Куйбышевской области, не спасла его самого. Откровенничать боялись даже с друзьями и родственниками. Мария вскакивала, едва услышав в ночи шорох автомобильных шин, просыпалась от случайного луча прожектора.

Ее еще несколько раз вызывали – и к редакционному начальству, и в обком, и в НКВД. Доверительно беседовали, настойчиво советовали развестись. Она негодовала, а душу

все больше и больше заполнял дикий, животный страх.

Впрочем, в их жизни все было достаточно спокойно. Карл попрежнему много ездил, все более склоняясь к киножурналистике. В последнее время его часто отправляли на Вытегорское строительство. Мария работала преимущественно в Куйбышеве – не хотела оставлять ребенка. Получив задание взять интервью у Пальмиро Тольятти, приехавшего в СССР в 1940-м, даже расслабилась немного – это говорило об определенном доверии.

Беседа с доброжелательным и харизматичным итальянским коммунистом прошла на ура, иногда она даже забывалась, что общаются они через переводчика. Тольятти рассказывал о себе и любви к Советскому Союзу, об ужасах итальянского и испанского фашизма и закончил оптимистично, с улыбкой: «Но вашей стране это не грозит, тем более здесь такие красивые журналисты. Кстати, вы очень похожи на итальянку!»

«Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!»

Нарком иностранных дел Молотов закончил свое выступление. Мария сидела над корзинкой со снедью, приготовленной для пикника, и молчала, глядя расширенными от ужаса глазами на мужа. Он мрачно смотрел в окно.

– Карли, что это?

– Война, Марийка. Это война.

– Почему ты так спокоен?! Ты знал, да? Ты знал?!

– Ну я же военный корреспондент!

– А почему молчал? Почему мне ничего не говорил?

– А что бы это изменило? Я берег твой покой. Все, Чижик, мне пора!

– Куда?!

– В редакцию. Пикник, думаю, отменяется.

– Но сегодня же воскресенье!

– Есть дежурные.

Через неделю Карл уехал в командировку, снова в Вытегру. Ничего удивительного, пояснил он, война скоро закончится, а мы должны продолжать работать как обычно.

А еще несколько дней спустя она получила покаянное письмо.

Июль, 1941

Родные мои Марийка и Лоринька!

Простите эту ложь, я не нашел в себе сил сказать правду, не смог бы видеть слез, слышать просьбы остаться. Да, я не в Вытегре, я по дороге на фронт.

Чижик, любимая, пойми: мое место там. Не как журналиста – как мужчины и солдата. Ну вспомни, тебе ведь всегда нравились мои мужские поступки, считай и этот одним из них. Я просто не могу оставаться в стороне в такой момент, мой долг – защитить свою Родину, свой дом, свою семью. И я знаю, что мы победим, потому что именно так

думает каждый советский человек.

Ждите меня, я очень скоро вернусь.

Ваш Карл

Она читала и перечитывала, строчки плыли перед глазами. Фронт, война, самая настоящая, безжалостная. Его ведь могут убить! Нет, не убьют. Он не погибнет, не может, она точно знает. Они с Лоринькой дождутся, и он вернется, совсем скоро! Страшно? Да, очень. Но сильнее страха было восхищение мужем и гордость за него.

Война, вопреки изначальным обещаниям, затягивалась, но на жизни «запасной столицы», как тогда называли Куйбышев, это пока никоим образом не отражалось. Разве что появились эвакуированные из западных районов страны и сотрудники иностранных посольств, да еще военных на улицах заметно больше стало. И очереди, огромные очереди у военкоматов – патриотизм всегда был и остается в характере русского человека сильнейшей чертой. В остальном же город жил прежней жизнью.

В ту ночь Мария была дежурной по выпуску. Привычно пробежала глазами гранки и споткнулась. Снова этот дикий, липкий, животный страх захватил все ее существо от прочитанного:

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах По-

волжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям никто не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике немцев Поволжья или в прилегающих районах, случится кровопролитие, и Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены избыточные пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей и Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету Обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселенцев-немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах.

Председатель Президиума

Верховного Совета СССР / подпись / М. Калинин

Секретарь Президиума

Верховного Совета СССР / подпись / А. Горкин

№ 21–60

28 августа 1941 г.

Абсурд, какой абсурд! «Никто не сообщал» – и тут же «по достоверным данным»... Господи всемилостивый, да это же приговор им всем! И бред, бред, бред! Такой же, как с Лелей и Виталием Ивановичем, как с Володей Макаровым – первым мужем младшей сестры Антонины, тоже объявленным врагом народа, как с десятками их друзей и знакомых. Бред. Бред и хаос.

А через несколько дней пришло предписание в течение 24 часов подготовиться к переселению и с ограниченным количеством своего имущества прибыть к пункту сбора.

Лориньку мучил жесточайший бронхит, она кашляла. Мария плача собирала вещи, никак не могла решить, что важнее. Энкавэдэшник, вселяющийся в их квартиру № 1 на Ленинградской, 40, стоял тут же, нервничал, поторапливал и сердито поглядывал на часы – он был очень занятым чело-

веком!

Колонну повели на вокзал. Из репродукторов бодро звучал один из последних хитов:

Нам Сталин – отец, нам Родина – Мать,
Сестра и подруга – Советская власть,
В заступниках – Сергей, в сподвижницах – Русь,
Соратник – Советский Союз!

– Мамочка, и нам? И нам тоже? – спрашивала Лоринька.

Мария, одной рукой державшая дочь, другой – тяжеленный чемодан, отворачивалась: слезы заливали лицо, и она не хотела, чтобы ребенок это видел. Девочка упрямо повернула лицо матери к себе:

– Мамочка, и нам Сталин тоже отец?

– Да, доченька, и нам, и нам тоже...

– Марусенька, и вы здесь? – Роберт Бертрам, фотограф «Волжской коммуны», с женой и детьми пришел раньше. Именно Клавдия, жена, ее и окликнула.

– Как видите...

– Ну вот, не будет скучно, вместе в пути веселее, – грустно пошутил глава семьи. – А где Карл? О нем ничего не известно?

Она только грустно помотала головой.

Столыпинский вагон был полон: дети, старики, молодежь, семьи... Двое веселых парней тут же уступили им место, помогли расположиться. Мария немного успокоилась: везде

люди живут. Только узнать бы еще, где он, жив ли, все ли в порядке, дать о себе весточку...

Тем же вечером бесконечный состав увез тысячи потенциальных шпионов, диверсантов и прочих пособников мирового империализма в неизвестность.

Глава пятая. Где находится край света

Ни о каких земельных наделах, конечно, и речи быть не могло. Из телячьих вагонов их просто высадили в необъятной выжженной казахской степи, в Карсакпае – выживайте!

Сначала был барак. Огромный, не разделенный даже подобием перегородок. Ютилось там 20 семей. Коммуналка, в которой она жила в первые самарские годы, вспоминалась как рай.

Рядом с Марией и Лоринькой поселилась очень романтическая пара из раскулаченных – брутальный, могучий и волосатый Константин с тощенькой, востроносенькой, с хитрыми бегающими глазками женой Зоей. Он вел себя так, будто делает огромное одолжение, позволяя ей находиться рядом с собой, и разговаривал хамским басом, по-хозяйски. Она искренне радовалась любому проявлению внимания со стороны супруга и охотно поддакивала каждому его слову.

– Зойка! – рычал благоверный. – Опять эта параша на ужин?

– Да, Костя! – шепеляво пищала она. – Вкусно?

– Тьфу, дура, – досадливо кривился он. – Плюй в глаза – скажет, божья роса!

Дура радостно улыбалась, обнажая щербатые зубы.

– Зойка! – слышался знакомый бас среди ночи. – Это ты навоняла?

– Я, Костя! – подобострастно признавалась супруга.

Надо отдать Косте должное, он не преувеличивал: дух в углу стоял такой, что Мария всерьез опасалась, как бы дочка не задохнулась, и прикрывала родное личико простыней.

С другой стороны размещалась семья Бухгалтеров – так она их мысленно окрестила. Стоило разгореться семейной ссоре, соседи начинали делить имущество, с чувством, похоже, даже с удовольствием. Лидка во всеуслышание вспоминала о том, что положила к мужним ногам не только свою девичью честь, но и весьма солидные сбережения, три облигации государственного займа и приличный гардероб. Николай в ответ на это щурил глаза и с пристрастием вопрошал: «Да? А пальто в елочку чье? Пиджак в полосочку – чей?!» Закончилось все это грустно: и пальто в елочку, и пиджак в полосочку были безжалостно изрублены топором вконец разбушевавшимся Колей.

Единственными людьми, общение с которыми не вызывало ужаса, были Беллочка и Лева. Свою высылку они считали чудовищным недоразумением и были уверены, что там, наверху, со всем этим вот-вот разберутся и вернут их домой, в теплую и уютную квартирку, какая и должна быть у успеш-

ного зубного техника. Никаких признаков надлома и обиды на советскую власть в них не наблюдалось, напротив, это были веселые и открытые ребята. Лева считал себя душой компании и очень любил пошутить. Шутки было две: «Кушайте компот!» и «Гранд-отель с рестораном». После выдачи каждой из них Лева сам и раздражался тоненьким, заливи-стым смехом, Беллочка же, влюбленно глядя на мужа, то-мо, с некоторым укором тянула: «Ну Лео-о-ова-а-а!»

А может, все это сон? Кошмарный сон. А потом она проснется – и все будет как прежде: они с Карлом и Лоринь-кой, чудесные журфиксы с буриме, спорами до хрипоты, чте-нием стихов, веселыми розыгрышами, любимая работа, ин-тервью, встречи с интересными людьми, с сестрами и их се-мьями... Но чем больше времени проходило, тем яснее Ма-рия осознавала: нет, это та жизнь стала невозвратным пре-красным сном, а этот полуголодный вшивый барак, населен-ный столь колоритным народом, – ее настоящее, ее реаль-ность.

Вскоре выделили землянку, и это было счастьем. Со свой-ственным ей энтузиазмом принялась обустроить быт, ста-ло почти уютно. Потихоньку обживались.

Старожилы приняли недоброжелательно. Ссылные под-кулачники и уголовники почувствовали себя хозяевами по-ложения, их захлестнула волна патриотизма, или, скорее, разновидности снобизма. Как бы там ни было, бросить с ненавистью вслед новоселам «Фашисты!» стало почти хоро-

шим тоном, и чем более злобно это было произнесено, тем лучше. В четырехлетнюю Лориньку, вылезавшую на свет из землянки, пока мать была на работе, соседские дети кидали камни и с радостным воплем «Фашистская сволочь!» разбежались – их патриотический долг был выполнен. А может, это был реванш за недавнее «кулацкое отродье»?.. Казахи, изначально народ мирный и гостеприимный, не особо разобрались, что к чему, но к старым соседям прислушались. Ненавистью и праведным гневом не пылали, ограничивались бормотанием вслед: «Емс поганый (немец поганый)! Кибитка серит, суслик жрайт!» Правда, охотно меняли имеющиеся продукты на вещи врагов народа. Ах, скольких обреченных спасли эти продукты, этот казахский кумыс!

Когда дочь заболела, Марии уже и менять-то нечего было: серьги и кольцо, платье из легчайшего крепдешина («Три кремдешиновых платья! Это просто разврат!» – негодовала свекровь, изучив невесткин гардероб), кашемировая кофта, элегантное пальто («Ты стала судорожно одеваться!» – ревниво заметил Карл, когда она его заказала у знакомой портнихи) – все было отдано, чтобы накормить ребенка. Лоринька металась в жару. Фельдшерица из медпункта, согласившаяся осмотреть ее, вняв материнским слезам, сделала укол и покачала головой:

– Трудно что-то сказать. Девочка ослаблена, нужно лекарство и хорошее питание. Попробуйте народные средства, я вам сейчас все распишу. Инъекции постараюсь делать сама

ежедневно – я тут живу неподалеку, а остальное, мамочка, вы сами.

Она сидела на топчане и плакала, тихонько поскуливая, раскачиваясь из стороны в сторону – от безысходности, от тоски. Что теперь будет? О муже ничего неизвестно, да и ему о них, наверное; сама непонятно где; доченька – умненькая, смышленная, шаловливая – на грани жизни и смерти. Хотелось не скулить – выть.

В дверь тихонько поскреблись, она открыла. На пороге стояла Лиза – соседская девочка с ангельским личиком.

– Здравствуйте, я к Лорочке. Можно посидеть с ней?

Мария была так тронута, что снова чуть не расплакалась – на сей раз от умиления. Даже немногочисленные новые приятели дочь не навещали – родители, видимо, боялись заразы. Лизонька приблизилась к ложу больной и устремила на нее полный сострадания взгляд. Потом встала, подошла к Марии, подняла небесно-голубые глазки и прошелестела:

– А когда она умрет, вы отдадите мне ее игрушки?

Она задохнулась от гнева, возмущенная этой циничной детской непосредственностью:

– Уходи! Ты злая девочка!

Лиза недоуменно хлопнула длинными ресницами, скорбно вздохнула и бесшумно выскользнула. Женщина обессиленно рухнула на грубо сколоченный табурет и горестно обхватила голову.

В дверь снова робко постучали. Наверное, оскорбленная в

лучших чувствах мать Лизы пришла... Но перед ней стояла пожилая казашка в затертом плюшевом камзоле и кимешеке (Мария уже знала, как называется этот головной убор, облегаящий голову и плечи местных женщин, с неким подобием тюрбана сверху). В руках колоритной гостьи была залапанная стеклянная банка, на дне которой плескалось молоко. Она протянула банку хозяйке, а затем ткнула себя в грудь:

– Менин атым Бота, жене сен? – и указала на Марию, посмотрев вопросительно. Чтобы понять, что это формула знакомства, особо напрягаться не потребовалось.

– Мария. Спасибо вам большое!

– Мария, – удовлетворенно кивнула Бота. – Жаксы! Карашо! Кируге болама? – и обвела рукой землянку.

– Да, да, конечно, заходите!

Гостья огляделась, покачала головой, поинтересовалась:

– Работáйт?

– Да, на рудном дворе.

– Женщина рудный двор тяжелый работа.

– Тяжело. А что делать?

– Ну, мен кеттим, – и благодетельница пошла к двери. Затем, вспомнив о чем-то, вернулась, выложила на стол из бездонных карманов горстку светлых твердых шариков и пояснила: «Курт. Кушит!», после чего окончательно удалилась.

– Спасибо вам! Рахмет! – крикнула Мария ей вслед. Та небрежно махнула пухлой ручкой – мол, не стоит благодарности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.